

М.Н. Бережков также источниковедческую критику делил на три вида: критику источников, критику текста, критику фактов или философскую критику [7].

В.С. Иконников, вслед за А.-Л. Шлёцером, предложил следующие этапы источниковедческой критики: низшую (дипломатическую, внешнюю, филологическую) (критика слов) и высшую (внутреннюю, историческую) (критика событий) [6, с. 39]. Профессор дал характеристику каждой группе. В.С. Иконников определял высшую критику, как таковую, что «исследует материалы относительно сообщенных ими показаний о событиях, то есть их достоверность, вероятность, возможность или неверность данных. Здесь снова имеют значение личность автора, время и место возникновения источника, характер и форма произведения – летопись, мемуары, официальные акты и т.п.» [6, с. 39].

Распространение концепции внешней и внутренней критики как двух этапов изучения исторических источников приходится на конец XIX в. Окончательному ее принятию среди ученых способствовала популярность работ европейских исследователей Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос «Введение в изучение истории» и особенно Э. Бернгейма «Введение в историческую науку», о чем свидетельствует активное их цитирование. Концепция внешней и внутренней критики источников осталась общепринятой в советском источниковедении до 60-х годов XX в. [4, с. 321].

Итак, в отечественном источниковедении второй половины XIX – начала XX в. происходила успешная разработка различных вопросов источниковедческой методологии, в первую очередь правил поиска, классификации и использования источников, определение задач исследования внешних признаков, дальнейшее развитие методологии текстологического анализа, выявление таких критериев оценки информации источников как достоверность, полнота, новизна и ценность. Началось формирование представлений о необходимости комплексного изучения источников во всем их многообразии, в их связи и взаимозависимости.

1. [Антонович, В.Б.] Историчні байки п. Маріана Дубецького (за приводом праці про початок Запоріжжя) / П-с-к // Правда. – Львів, 1888. – Річник XIV. – Т. 1. – С. 110–116; 194–203.
2. Антонович, В.Б. Польско-русские соотношения XVII в. в современной польской призме (по поводу повести Г. Сенкевича «Огнем и мечём») / В.Б. Антонович // Киевская старина. – 1885. – Кн. 5. – С. 44–78.
3. Богдашина, О.М. Джерелознавство історії України: теорія, методика, історія / О.М. Богдашина. – Харків : Штрих, 2004. – 160 с.
4. Богдашина, О.М. Позитивізм в історичній науці в Україні (60-ті рр. XIX – 20-ті рр. XX ст.) / О.М. Богдашина. – Харків : Вид-во ун-ту, 2013. – 560 с.
5. Бузескул, В.П. Из истории критического метода. Ранке и Штенцель : докл. в заседании отд. ист. наук и филологии 19 мая 1926 года / В.П. Бузескул // Известия Академии наук СССР. – 1926. – Т. 20(12). – С. 1123–1138.
6. Иконников, В.С. Опыт русской историографии : в 2 т., 4 кн. / В.С. Иконников. – Київ : тип. ун-та, 1891–1908. – Т. 1, кн. 1. 1891. – VII, 882, ССХХІІ, VIII с.
7. Інститут Рукопису Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського (ІР НБУВ). – Ф. ХХІІІ. – Д. 296. – Л. 13 об.
8. Калакура, Я. С. Археографічна школа університету св. Володимира / Я. С. Калакура // Український археографічний щорічник. – Київ, 2012. – Вип. 16–17. – С. 240–255. 9. Калакура, Я. Володимир Антонович як фундатор українського джерелознавства / Я. Калакура // Четверта Академія пам'яті професора Володимира Антоновича. – Київ, 1999. – С. 17–25.
10. Петров, М.Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции : сравнит. ист.-библиогр. обзор / М.Н. Петров. – Харків : тип. ун-та, 1861. – VII, 310 с.
11. Петров, М.Н. Отчёт о занятиях адъюнкта императорского Харьковского университета М. Н. Петрова в Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии в 1858–1860 г. / М.Н. Петров. – Харків : тип. ун-та, 1861. – 76 с.
12. Фарсобин, В.В. Источниковедение и его метод. Опыт анализа понятий и терминологии / В.В. Фарсобин. – М. : Наука, 1983. – 231 с.
13. Фарсобин, В.В. К определению предмета источниковедения (Историографические заметки) / В.В. Фарсобин // Источниковедение истории советского общества : сб. ст. – М. : Наука, 1968. – Вып. 2. – С. 389–453.
14. Фортинский, Ф.Я. Опыт систематической обработки исторической критики / Ф.Я. Фортинский // Университетские известия. – Київ, 1884. – № 8. – С. 1–32.

Филькин К.Н.

ПРОБЛЕМАТИКА ПРИМЕНЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

В рамках исторического исследования нередко в качестве источников (речь, в первую очередь, идет о текстах, но, конечно, не только о них) выступают объекты, чья значимость в качестве исторического источника может показаться не столь однозначной и очевидной. Например, в такой роли оказываются тексты, не являющиеся в прямом смысле носителем исторической нотации. Возможно, по какой-то конкретной культуре или временному периоду оказывается, что вообще отсутствуют источники, прямо преследующие историографическую цель. Столкновения с подобными случаями, как правило, приводят к идее об отсутствии исторического со-

знания в данной культуре, хотя на самом деле, вероятно, проблема может оказаться исключительно лишь в нашем анализе, опирающемся на недостаточные сведения и неподходящую для проведения анализа методологию.

Таким образом возникает историографическая проблема – использование источников, в качестве которых, к примеру, могут выступать агиографические тексты, философская и религиозная дидактика, те или иные нарративы, содержащие множество внеисторических и неисториографических элементов, характерных даже для летописного текста, – мифологических, религиозных или философских нотаций, элементов летописного субстрата и т.д. Ввиду такого специфического характера содержание данных источников можно охарактеризовать как «внеисторическое». Но тем не менее, исходя из времени создания текста, актуальности для определенного периода и группы людей, можно однозначно утверждать, что данный объект потенциально способен выступать в качестве исторического источника, – вопрос в том, каким образом и какие исторические сведения возможно из источника извлечь.

Одним из решений в указанной ситуации может быть обращение к современным когнитивным методологиям, позволяющим провести анализ по подобным недостаточно релевантным с точки зрения классической нарративной истории источникам. Кроме того, когнитивная методология помимо возможности работать со сложными «внеисторическими» источниками открывает возможность получения в принципе новых результатов.

Когнитивная наука (cognitive science) часто характеризуется не как некая отдельная дисциплина, а как совокупность самостоятельных дисциплин. Наиболее часто к когнитивным наукам относятся: антропология, лингвистика, психология, искусственный интеллект и философия. Познание и исследование культуры ориентированы на изучение взаимодействия между разумом и культурой и включает такие академические области, как культурная, биологическая и когнитивная антропология; эволюционная психология; археология; лингвистика; философия и религиоведение. В самом широком смысле, когнитивная наука может быть описана как попытка объяснить, как работает разум, основными задачами которого являются следующие: восприятия мира, обучение, запоминание, управляющие воздействия, создание и развитие новых идей, коммуникация с другими людьми и, наконец, создание чувственного опыта, намерений и самосознания. Деятельность разума здесь изучается с точки зрения теории информации. Когнитивная наука сосредоточена на том, каким образом люди, животные и некоторые артефакты оперируют информацией. Когнитивное описание определяет, какие виды информации принимаются в качестве входных данных, какие процессы используются, чтобы преобразовать эту информацию, с какого рода структурами данных эти процедуры оперируют (репрезентации), и какого рода репрезентации или поведение порождаются в качестве выходных данных [8].

В вопросе применения когнитивного подхода при анализе исторических источников остановимся на двух областях: когнитивной истории и когнитивном религиоведении.

Когнитивное религиоведение в вопросе исторического источниковедения актуально в связи с распространенной спецификой источников: зачастую это тексты религиозного содержания или с явным религиозным подтекстом и значением, поскольку сами культуры, в которых тексты появились, имеют весомую религиозную составляющую. Когнитивная наука о религии в основном корнями уходит в когнитивную антропологию и психологию. Религиозные феномены возможно исследовать с использованием методов, используемых для изучения нерелигиозных феноменов. Таким образом, религиозные понятия – это разновидность понятий, ритуальное поведение – разновидность поведения, а структура религиозной группы – один из видов групповых структур и т.д. Когнитивное религиоведение занимается поиском каузальных механизмов или процессов, лежащих в основе видимых проявлений религии [9], что позволяет применять его методологический аппарат при исследовании исторических источников.

Хорошим примером по практическому когнитивному религиоведению в источниковедческом формате является работа финского антрополога и религиоведа Киммо Кетолы «The Founder of the Hare Krishnas as Seen by Devotees: A Cognitive Study of Religious Charisma» [8], в которой применительно к анализу биографических нарративов автор использовал теорию фреймов Эрвинга Гоффмана в качестве наиболее успешного механизма описать то, как люди определяют свои повседневные ситуации, – и в этом анализе, отталкиваясь от исторических источников, которыми в первую очередь выступали агиографические сочинения, автор выстраивает картину коммуникаций в рамках конкретного исследуемого сообщества. Данное иссле-

дование в основном касается аспектов межличностного общения и репрезентаций, регулирующих взаимодействия людей друг с другом.

Более очевидной по близости к исторической науке выступает теория когнитивной истории. Данная теория, во многом как манифестация, представлена в монографии О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» [4].

Явные предпосылки для дискурса о когнитивной истории, без сомнения, лежат в работах Б.Г. Могильницкого и томской историографической школы. В работах Б.Г. Могильницкого и многих других представителей школы «красной нитью» проходит исследование феномена исторического сознания как совокупности представлений, присущих обществу и его сегментам, о своем прошлом и прошлом всего человечества. Каждая общность обладает известным комплексом исторических представлений о своем происхождении, важнейших событиях и деятелях собственного прошлого, их соотношении с историей других общностей и всего человечества. Данные «исторические предания» составляют неотъемлемую принадлежность духовной жизни каждого народа, способ его самовыражения, и это придает историческому сознанию сильную эмоциональную окраску. История органически присутствует в сознании общества, причем историчными являются все составляющие его элементы – взгляды, идеи, политические и иные теории и т.д. [2]

К феномену исторического сознания примыкает феномен религиозного сознания (см. работы О.В. Хазанова «Феномен религиозного историзма: некоторые подходы к пониманию еврейской и индийской традиций» [7] и О.И. Ивониной «Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX – середины XX вв.» [1]) – таким образом, здесь вновь оказываются пересеченными сферы двух направлений когнитивных наук – когнитивной истории и когнитивного религиоведения, – образующих общее методологическое пространство. Одновременная применимость когнитивного религиоведения и когнитивной истории при анализе исторических источников исходит из утверждения пересечения множества интуитивных аспектов, относящихся к историческому пространству, с контринтуитивными аспектами, относящимися к религиозным: религиозные репрезентации – это частный случай репрезентаций, соединяющий эксплицитные минимально контринтуитивные аспекты, которые легко запоминаются, с имплицитными интуитивными аспектами, которыми удобно оперировать [9].

Согласно теории когнитивной истории О.М. Медушевской, «индикатором перестройки внутри исторической науки может служить направление, специально ориентированное на исследование информационного ресурса реализованных продуктов целенаправленной человеческой деятельности», – это как раз источниковедение, в рамках которого специально рассматривается проблематика исследований информационного ресурса исторических источников [4]. В данной теории и методологии на новой основе переосмысливаются задачи исторической науки и источниковедения – отмечается, что текущая ситуация в науке может быть схематично определена как смена парадигм: переход от «нарративизма» к формату когнитивной истории. «Нарративизмом» О.М. Медушевская определяет логику наивного повседневного мышления, в рамках которого ставятся задачи осмыслить причинно-следственные связи состоявшегося события, идя от результата к причине, с целью извлечения «уроков». Данный подход и позиция его последователей, которые видят задачу историка в описании событий на повседневном уровне восприятия, критикуются как ненаучные, так как предполагают, что результат исследования задан заранее: он исключает так называемое сослагательное наклонение в истории, отрицает вариативность процессов, не способен использовать аналитические методы современной науки [6]. В противоположность, когнитивная парадигма истории заслуживает особого анализа, поскольку со всей очевидностью претендует на статус если не новой онтологии истории, то принципиально новой концептуальной стратегии генерализации истории как науки [3]. У О.М. Медушевской разрешением данного конфликта стало обращение к структурализму, точнее к его методологическим свойствам для обоснования видовой классификации исторических источников. Структурализм во многом соотносился исторически прежде всего с антропологией как новой наукой, претендовавшей на выявление структур общества и сознания, – причем, если первоначально речь шла про историю и ныне сохранившиеся «аборигенные» сообщества, то постепенно его методология перешла на исследования «современных цивилизованных» сообществ, в том числе в рамках исследования повседневности. Данные исследования заставляли задуматься о соотношении информации, полученной из различных видов источников – опросов, бесед и этнографических наблюдений, письменных источников, археологиче-

ских памятников, – в рамках вопроса о сути, которая объединяет эти источники для понимания феномена человека [5].

Тем не менее, применение когнитивных методологий сталкивается с рядом проблем. Прежде всего, это недоверие научного сообщества, воспитанного на классических подходах, несмотря на небывалый взлет когнитивных наук за последние 10–15 лет. Другой проблемой, выходящей «оборотной стороной медали», является само опрометчивое и заносчивое желание когнитивных методологий выглядеть новым универсальным подходом, способным дать ответы на все вопросы, причем ответы точные, сопоставимые с решениями в точных науках, хотя очевидно, что сложно ожидать точного, однозначно интерпретируемого и четко верифицируемого ответа, если материалы для анализа (в нашем случае – исторические источники) представляют собой неоднозначные и неточные артефакты, зачастую со спорными характеристиками. Другими словами, когнитивные науки зачастую претендуют на однозначность и верифицируемость, однако де-факто остаются в руках исследователей зависимыми от субъективизма последних: квалификации, мотивации, сферы интересов и т.д.

Однако, при всех возникающих вопросах применение когнитивных методологий оказывается перспективным. Одной из важнейших характеристик является то, что когнитивная наука позволяет выйти из инертного состояния, порожденного постмодернистским солипсизмом [9]. Когнитивизм позволяет получить результаты, которые невозможно получить прите применении других методологий. Это делает саму когнитивную методологию допустимой и обоснованной. Только не следует впадать в крайности в отношении потенциальных результатов исследований: поле применения любой методологии и науки имеет свои границы.

1. Ивонина, О.И. Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX – середины XX в. : дисс. ... док-ра ист. наук / О.И. Ивонина. – Томск, 2001. – 365 с.
2. Историческая наука и историческое сознание / под ред. Б.Г. Могильницкого. – Томск : Изд-во Томского университета, 2000. – 230 с.
3. Лукьянов, Д.В. «Когнитивная революция» в современном историческом познании / Д.В. Лукьянов // Будущее нашего прошлого: материалы Всерос. науч. конф. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2011. – С. 179–193.
4. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – М. : РГГУ, 2008. – 358 с.
5. Медушевская, О.М. Теория исторического познания : избранные произведения. / сост. И.Л. Беленький. – СПб.: Университетская книга, 2010. – 572 с.
6. Сабенникова, И.В. О.М. Медушевская. Теория и методология когнитивной истории / И.В. Сабенникова. // Российская история. – 2009. – № 2. – С. 177–179.
7. Хазанов, О.В. Феномен религиозного историзма: некоторые подходы к пониманию еврейской и индийской традиций / О.В. Хазанов. – Saarbrücken : LAP Lambert, 2011. – 228 с.
8. Ketola, K. The Founder of the Hare Krishnas as Seen by Devotees: A Cognitive Study of Religious Charisma / K. Ketola. – Leiden & Boston : Brill, 2008. – XIII, 234 p.
9. Sørensen, J. Religion in Mind: A Review Article of the Cognitive Science Of Religion / J. Sørensen // Numen. – Vol. 52(2005). – P. 465–494.

Харитонов А.М.
НЕКОТОРЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОДХОДА
В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
АНТИЧНЫХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

Современная историческая география по классификации исторической науки не имеет прямого отношения к географии. Это всего лишь вспомогательная историческая дисциплина, подобно источниковедению. Этот факт вызвал удивление у обратившего на данный нонсенс внимание географии В.П. Максаковского [3]. Ведь в современной географической науке историческая география занимает весьма значимое место на стыке истории и географии.

Скромная роль исторической географии в исторических исследованиях подчеркивается тем, что ею сплошь и рядом занимаются исследователи даже без профессионального географического образования. Но разве может простой переводчик, пусть и с ученой степенью кандидата или доктора наук, учесть все географические тонкости в изучаемом источнике?

Вот Историк пытается найти некий пункт, упомянутый в клинописных табличках. Он самым добросовестным образом переводит данное географическое название на современные языки с помощью методов компаративистики (сравнительно-исторического языкознания). Выяснив примерное наименование поселения сегодня, Историк отождествляет его с современным насе-